

Ваньянь Кан лишь тонко усмехнулся.

— У этого признания нет ни единого шанса на успех, — он перевёл взгляд на стоявшего рядом отца. — Я Ваньянь Кан, подданный Государства Цзинь. Это неоспоримый факт, и изменить его невозможно.

С того самого мгновения, как он очутился в этом мире, он стал Ваньянь Каном, а не Ян Каном. Какое значение имела кровь, если он точно знал: лишь один человек в подлунном мире по-настоящему дорожит им?

— Ты... — Цю Чуцзи задохнулся от ярости.

Даос выхватил меч, но направил его не на юношу, а на Ваньянь Хунле. Смерть принца Государства Цзинь была бы благом сама по себе, а если этот удар заставит мальчишку наконец взглянуть в лицо правде и признать своё происхождение — что ж, тем лучше.

Однако Ваньянь Кан ждал этого. Прежде чем клинок коснулся цели, кинжал в его руке встретил сталь. Раздался резкий звон — оба противника вложили в удар всю мощь внутренней энергии. Меч Цю Чуцзи снова разлетелся на куски. Даос попятился, с трудом удерживая равновесие, в то время как Кан остался недвижим. Юноша внешне сохранял спокойствие, но внутри него всё оборвалось: старая рана, так некстати потревоженная, напомнила о себе тупой болью.

«Рискованно было мериться силой с этим упрямец», — промелькнула мысль. Но это был кратчайший путь. Обычные скрытые снаряды могли не остановить Чанчунь-цзы, а подпускать его так близко к отцу было смертельно опасно.

— Даос Цю, нападать со спины... Не слишком ли это благородно для праведного мастера?

Цю Чуцзи впервые видел Ваньянь Кана в такой ярости. Ледяная, почти осязаемая жажда убийства, исходившая от мальчика, заставила опытного мастера вздрогнуть. И всё же даос не считал себя неправым. Ваньянь Хунле был врагом, талантливым и опасным правителем Государства Цзинь, чья жизнь лишь укрепляла империю захватчиков. Цю Чуцзи корил себя лишь за то, что раньше всё его внимание было поглощено поисками потомков верных мужей Сопротивления, и он упустил из виду истинную угрозу.

Даже стоя за спиной сына, Ваньянь Хунле почувствовал это леденящее дыхание смерти. Он нахмурился, с тревогой глядя на тонкую фигуру ребёнка.

— Кан-эр.

Тихий голос отца мгновенно отрезвил юношу. Ваньянь Кан осознал, что едва не переступил черту. Он никогда не жаждал крови; даже если по его приказу гибли сотни, сам он до сего дня

не убил никого. Впрочем, мук совести он бы не испытал — в этом мире боевых искусств и дворцовых интриг чистота рук была непозволительной роскошью. Если кто-то угрожал его отцу, этот человек переставал существовать для него как живое существо.

Кан улыбнулся, и его убийственная аура начала рассеиваться. Однако он холодно усмехнулся. Цю Чуцзи стоило вознаградить за то, что он довёл его до такого состояния. И юноша не возражал, если этот даос станет его первым трофеем.

Цю Чуцзи облегченно выдохнул, когда давление исчезло. Он всё ещё видел в Кане лишь ребёнка, но теперь понимал: малейшая оплошность здесь будет стоить жизни.

В этот миг несколько белых вспышек прорезали ночную тьму, устремляясь к даосу. Цю Чуцзи почувствовал неладное, но уклониться уже не успел.

— Считайте это подарком в ответ на вашу подлую атаку, — мягко произнёс Ваньянь Кан.

Он оставил даосу жизнь, но это милосердие было сродни проклятию.

Вспышка боли швырнула Цю Чуцзи на землю. Будучи искушённым в медицине, он мгновенно понял, что произошло, и его лицо исказилось от ужаса и гнева.

— Ты... Почему ты просто не убил меня?!

— Вы уже догадались? — Кан снова улыбнулся. — У вас отличные познания в лечении.

Скрытое оружие юноши ювелирно разрушило ключевые меридианы. Восстановить их было невозможно. Отныне Цю Чуцзи навсегда лишился своего гунфу; даже простое движение теперь будет даваться ему с трудом.

— У меня нет причин лишать вас жизни, — продолжил Кан. — А это... лишь гарантия того, что вы больше не посмеете напасть на моего отца.

Перед тем как войти в шатёр, юноша в последний раз взглянул на поверженного врага. Он не чувствовал ни торжества, ни жалости — лишь спокойное осознание пройденного пути. Он окончательно отрезал себе дорогу назад, к имени Ян Кана, но эта дорога ему была не нужна.

Сделав шаг под своды шатра, Ваньянь Кан остановился. Он смотрел в спину Ваньянь Хунле и виновато улыбался. Силы оставили его. Кровь, которую он так долго сдерживал, хлынула изо рта. Он знал, что расплата за чрезмерное напряжение будет тяжёлой, и больше всего боялся напугать отца, но защитить его было важнее.

Услышав странный звук, Ваньянь Хунле стремительно обернулся. Увидев, что Кан оседает на

землю, он в два прыжка оказался рядом и подхватил слабеющее тело сына.

— Лекаря! Быстро! — крикнул он, но Кан из последних сил сжал его ладонь.

— Отец... не надо. Я в порядке. Не зови никого... Они ещё рядом... Это опасно.

«Семь монстров Цзяннани» могли быть поблизости, и если они узнают о его слабости, Ваньянь Хунле окажется под ударом.

— Всё хорошо... просто нужно поспать. Ты ведь веришь... в моё искусство врачевания?

Не дождавшись ответа, юноша закрыл глаза и провалился в беспамятство.

<http://bllate.org/book/17543/1705274>